„Socialistitcheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 4 frs

Organe Central du Parti Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 4 (408)
18-й г. издания

Подписная плата для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши, Югославии: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр., для С.А.С.Ш.: за год—6 дол. за ½ г — 3 долл., за ¼ г. 1,50 долл.; для остальных стран: за годъ—150 фр., за ½ г.— 75 фр., за ¼ — 40 фр. За перем. адр.—1 фр Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

25 Февраля 1938 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Переписка Сталина с Ивановым

В большевистском аппарате пропаганды ничто не делается спроста. Не спроста напечатана была, да еще на таком видном месте, в большевистской печати и переписка между «штатным пропагандистом РК ВЛКСМ Мантуровского района Курской области» Ивановым и Сталиным.

В самом вопросе, поставленном «штатным пропагандистом», нет ничего, что бы оправдывало и честь ответа со стороны самого «вождя народов», и ту помпезную форму, в которой эта «переписка из двух углов» была преподнесена миру. Иванов в беспомощной форме, подлинным языком героев Зощенко, повторил все тот же вопрос о «проблеме социализма в одной стране», который за последние годы тысячи раз разжевывался и пережевывался на всех без исключения курсах, дискуссиях и беседах, во всех бесчисленных ячейках, комитетах и партсобраниях на всем безмерном пространстве СССР. Если Сталин воспользовался запросом рядового пропагандиста для того, чтобы еще раз взять слово по этому, казалось бы, уже давным давно окончательно разрешенному вопросу, то невольно напрашивается заключение, что где-то, в глубине души комсомольской и партийной массы, в толще рабочего класса вопрос этот все еще порождает какие то сомнения, какую-то внутреннюю неуверенность, т. е. все еще не является разрешенным.

Что именно в этом вопросе беспокоит сейчас среднего русского коммуниста? Какая сторона проблемы ему неясна, или перестала быть ясной? — об этом прямо нигде не говорится ни в письме Иванова ни в ответе Сталина. Иванова интересует эта проблема больше под углом зрения грозящих ему кар за «троцкизм»; Сталин же сознательно обходит существо вопроса и сводит всю проблему к чисто-формальному — и в корне неверному — противопоставлению внешних условий осуществления социализма в одной стране — его внутренним условиям.

«Вопрос о победе социализма в одной стране, — пишет Сталин, имеет две различные стороны».

«Первая сторона вопроса о победе социализма в нашей стране обнимает проблему взаимоотношений классов внутри нашей страны. Это — область внутренних отношений... Может ли рабочий класс нашей страны в союзе с нашим крестьянством разбить буржуазию нашей страны, отобрать у нее земли и заводы, шахты и т. п. и построить своими силами новое бесклассовое общество, полное социалистическое общество?».

«Троцкий, Зиновьев, Каменев и прочие господа, ставшие потом шпионами и агентами фашизма, отрицали возможность построения социализма в нашей стране, без предварительной победы социалистической революции в других странах, в капиталистических странах». Но «дальнейший ход развития нашей страны показал,

что партия была права, а Троцкий и компания были не правы. Ибо за это время мы успели... построить в основном социалистическое общество, несмотря на отсутствие победы социалистической революции в других странах».

Итак, поскольку речь идет о внутренней стороне проблемы, то задача построения социализма в одной стране разрешена.

Иначе, — говорит Сталин, — обстоит дело со второй стороной вопроса, которая касается проблемы «взаимоотношений нашей страны с другими странами, с капиталистическими странами». Вопрос стоит так: «Можно-ли считать победу социализма в нашей стране окончательной, т. е. свободной от опасности военного нападения и попыток восстановления капитализма, при условии, что победа социализма имеется только в одной стране, а капиталистическое окружение продолжает существовать?»

На этот вопрос надо, по мнению Сталина, ответить отрицательно. «В самом деле, было бы смешно и глупо закрывать глаза на факт капиталистического окружения и думать, что наши внешние враги, например, фашисты не попытаются при случае произвести на СССР военное нападение»...

Другими словами: вся проблема «капиталистического окружения» и вместе с тем вся «проблема социализма в одной стране» сводится для Сталина в данных условиях к чисто-механическому вмешательству, к военной интервенции, шпионажу и вредительству со стороны капиталистических держав, окружающих Советскую Россию. Если-бы не было шпионов и диверсантов, подсылаемых этими державами, если-бы не было опасности военной интервенции с их стороны, то Советская Россия процветала бы, ее население каталось бы как сыр в масле, и она быстрыми шагами шла бы все вперед и выше к всеобщему благополучию и к полному коммунизму.

Грубо-целевая и апологетическая тенденция так ясно выпирает из этой постановки вопроса, что спор по существу является излишним. Тут налицо еле прикрытая попытка, нарочито-простецкая попытка всю гигантскую внутреннюю неудачу «построения социализма в одной стране», с такой ужасающей яркостью проявившуюся за последние годы, об'яснить чисто-внешними, механическими причинами, всю огромную вину за крушение надежд взвалить на злокозненных «шпионов и диверсантов» и их пособников «троцкистов».

Если-бы большевистской диктатуре действительно удалось, как утверждает Сталин в разделе «внутренних отношений», «наладить братское сотрудничество с крестьянством», разрешить проблему социалистического производства, «построить в основном социалистическое общество», воспитать новое, проникнутое духом солидарности, братства и безкорыстия человечество, — то само собою разумеется, что такой стране не были бы страшны никакие шпионы и диверсанты. И уж во всяком случае, одна только возможность и неисключенность, в будущем, — в какой-то более отдаленной инстанции! — внешней интервенции не могла бы уже теперь вызвать в этой стране того страшного и глубокого кризиса, который мы наблюдаем вот уже 2 года.

Наличность этого кризиса, этих ужасных судорог, в которых корчится до самых основ весь организм гигантской страны, сама по себе уже является достаточным опровержением сталинского бахвальства и наиболее красноречивым и неоспоримым симптомом того, что в «царстве датском что-то гнило», что внутренние социальные и политические противоречия не только не изжиты, а как раз за последнее время особенно усилились; что братское сотрудничество с крестьянством далеко еще не налажено, а повидимому даже стало еще больше разлаживаться; что проблема воспроизводства руководящего слоя из «сталинских орлят» в обстановке умственной несвободы и кровавого террора упирается в Бутенко,—словом, что именно во внутреннем аспекте задача построения «социалистического общества», — даже принимая осторожную оговорку Сталина: «в основном», — не только не приходится считать завершенной, а надо, напротив того, признать совершенно провалившейся.

Вот чтобы скрыть и замазать в сознании масс этот провал, это историческое поражение, сотни тысяч «штатных» и сверх-штатных пропагандистов сейчас в спешном порядке натаскиваются на казуистическое различение между «внутренними» и «внешними» сторонами вопроса о социализме. И сталинское письмо должно им дать «шпаргалку», начиненную стандартным асортиментом софизмов, доказывающих, что белое — черное и черное — белое.

Это — одна из целей демонстративного опубликования переписки Сталина с Ивановым. Может быть, главная, но повидимому, не единственная. Печать всего мира уже отметила тот абзац сталинского письма, в котором указывается на невозможность «вторую проблему», т. е. проблему внешних предпосылок осуществления социализма в России разрешить силами одного только русского народа. «Вторую проблему можно разрешить только в порядке соединения серьезных усилий международного пролетариата с еще более серьезными усилиями всего нашего советского народа». И отсюда Сталин делает дальнейший вывод: «Нужно усилить и укрепить интернациональные пролетарские связи рабочего класса СССР с рабочим классом буржуазных стран; нужно организовать политическую помощь рабочего класса буржуазных стран рабочему классу нашей страны на случай военного нападения на нашу страну, равно как организовать всяческую помощь рабочему классу нашей страны рабочему классу буржуазных стран»...

Совершенно ясно, что и этот абзац не спроста введен в сталинское «письмо». Но каков смысл этого намеренно завуалированного откровения о необходимости «усиления интернациональных пролетарских связей»? Что это, — просто - на - просто «теоретический» комментарий к решению советских профсоюзов вступить в МФПС? Или что - нибудь покрупнее? — Если-б сталинская внутренняя политика была иная, чем та, какой она, к ужасу для всего пролетарского мира, является за последние два года; если-бы Сталин выполнил хотя бы минимальную долю тех пышных обещаний, которыми сопровождалось издание октроированной им конституции; если-б он внутри России проводил политику, считающуюся с действительным настроением народных масс и с интересами рабочего класса,—то его заявление об усилении международных пролетарских связей можно было бы толковать, как признак решитель-

ного поворота в сторону более реалистического понимания международного рабочего движения, как начало честного и действительного сближения с мировым социалистическим движением и его представительными органами. И само собой разумеется, что такого рода международная политика советских правителей, основанная внутри России на честном стремлении к демократизации режима и к усилению свободной самодеятельности рабочего класса, могла бы дать самые благоприятные результаты, и действительно в максимальной степени способствовать улучшению как международного, так и внутреннего положения Советского Союза. Лучшей гарантии от внешней интервенции и более действительной помощи делу внутреннего строительства в стране трудно было бы придумать.

Но... но пока еще Сталин внутри России правит «огнем и мечем». Пока еще продолжается вакханалия «бдительности», сопровождающаяся кровавыми оргиями и усеивающая страну гекатомбами трупов. Так как в каждом развитии имеется своя внутренняя логика и свои внутренние психологические законы, то трудно, и скажем прямо — невозможно представить себе, чтобы то «усиление международных пролетарских связей», которое прокламируется сейчас Сталиным в нарочито неясной, но демонстративной форме, означало что-либо иное, чем новый рецидив коминтернской активности во всем мире. Уже носятся, — правда, еще не проверенные, но достаточно упорные, — слухи, что на состоявшихся недавно в Москве коминтерновских заседаниях принято решение поднять новый крестовый поход против социал-демократии, против Социалистического Интернационала, против «социал-предателей»...

Если этот слух оправдается, то в международном пролетарском движении вновь будет восстановлена печальной памяти констелляция 1930-1933 годов, столь помогшая победе фашизма. Мы будем иметь новое издание теории «социал-фашизма», новую эпопею братоубийственных расколов, новую эпоху вышибания и «снимания социалистов с постов», конец Народного Фронта и т. д., и т. п., — со всеми вытекающими отсюда для обеих сторон и всему миру достаточно известными последствиями...

В момент, когда Гитлер празднует новую победу в Центральной Европе, когда Англия окончательно предает Испанию и становится на путь сепаратных соглашений с «осью Рим-Берлин», — в этот трагический и решающий для судеб мира момент верховный руководитель Советского Союза и Коминтерна не находит ничего лучшего, как ударить в тыл международному пролетариату и углубить в нем раскол. Это до такой степени чудовищно, что, вопреки очевидности, хотелось бы думать, что наше толкование ложно. Или: кого боги хотят погубить, у того они отнимают разум...

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!

Ю. ОСОКИН.

ТРИ НЕДЕЛИ

Развитие международных отношений приняло за последнее время такой характер, что статьи, не предназначенные для ежедневной газеты, лучше всего начинать с точного указания даты их написания. Настоящая статья пишется 21-го февраля, т. е. на следующий день после речи Гитлера и после отставки Идена. Реакции на речь Гитлера в других странах еще почти неизвестны, и преемник Идена еще не назначен. Это значит, что автор статьи поставлен в очень невыгодное положение, потому что ему неизвестно многое, что уже будут знать его читатели. Но журнальная статья никогда не может носить характер моментальной фотографии, публикуемой сейчас же после с'емки. В крайнем случае ее можно сравнить с отрезком кинематографической ленты. Каждое политическое событие заканчивает один отрезок и в то же время начинает другой. Мы должны заняться тем отрезком, который закончился речью Гитлера и отставкой Идена.

Этим событиям предшествовали три недели исключительно острого, драматического напряжения. Оно началось 30-го января, когда заседание рейхстага было внезапно отменено, и речь Гитлера отложена на неопределенное время. Стало очевидно, что в Германии происходит что-то очень серьезное. Затем пришло 4-ое февраля, произведшее впечатление, что в Германии произошел своего рода переворот. Через несколько дней румынский король послал правительство Гоги в отставку и образовал новое правительство с патриархом во главе. Вслед затем Гитлер вызвал Шушнига в Берхтесгаден и, сосредоточив войска на австрийской границе, добился... «улучшения отношений» между обеими немецкими государствами. В те же дни стало известно, что между английским премьер-министром Чемберленом и министром иностранных дел Иденом возникли — или обострились — разногласия по вопросу о политике по отношению к Италии. 20-го февраля Гитлер произнес свою речь, быть может, самую замечательную из когда-либо им произнесенных, а Иден подал в отставку. Да, были схватки боевые...

Здесь фильмовая лента обрывается, и мы, вглядываясь в лежащий перед нами отрезок, стараемся понять его смысл и значение. Мы видим: в течение этих трех недель мир почти что забыл и о гражданской войне в Испании и об японском вторжении в Китай; в центре внимания, подавляя все остальное, были Германия и Восточная Европа, точнее европейское пространство между Германией и Россией. Впечатление было, что борьба за это пространство вступила в какую-то новую и, может быть, решительную стадию. Атмосфера в Восточной Европе становилась совершенно невыносимой. Первый переворот в Румынии (назначение правительства Гоги) представлялся началом общей капитуляции перед Германией. Затем — и этим открылся последний кризис — был момент, когда казалось, что распространению германского влияния поставлен предел внутренним кризисом в самой Германии. Под концетрированным давлением Англии, Франции и Сов. России Румыния снова подалась назад. Король образовал, правда, достаточно-таки скверное, но уже не ориентированное односторонне на Германию, правительство. Чехословакия и Австрия начали было дышать свободнее. Польская печать с большим усердием приняла участие в распространении слухов о. событиях в Германии. Гитлер реагировал своего рода «скачком пантеры», избрав

своей первой жертвой Австрию. Тогда Чемберлэн заторопился с возобновлением переговоров с Италией, чтобы хотя бы ценой существенных уступок этой последней ослабить ось Берлин-Рим, грозящую в данной ситуации дать Германии полное господство над Восточной Европой. Иден, конечно, был согласен с целью— ослаблением связи между Италией и Германией, но он, видимо, из своего опыта уже научился тому, что с диктатурами надо обходиться иначе, и, учитывая огромные финансовые и экономические трудности Италии, хотел заставить самое Италию пойти на уступки. Внутренние события в Германии развязали международный кризис, из которого Гитлер вышел победителем, а жертвами которого стали Австрия и... Иден.

Исходный пункт кризиса лежит хотя и в недавнем, но все же более отдаленном прошлом. Восточно-европейские государства оказывали большое сопротивление германскому давлению, когда они чувствовали себя находящимися между двумя большими силами — Германией на западе и Сов. Россией на востоке. Решающим было соотношение между этими силами, потому что со времени абиссинской войны и еще до формального образования оси Берлин-Рим сближение между Германией и Италией отрезывало Восточную Европу от Западной. Внутренний кризис Сов. России и в особенности разгром, произведенный Сталиным в Красной Армии, нарушили существовавшее до того относительное равновесие и подорвали силы сопротивления германскому нажиму. Последние германские события произвели бы во всяком случае сильное впечатление во всем мире, но впечатление было в чрезвычайной мере усилено неизбежной аналогией со сталинской расправой. Сходство однако было вовсе не так велико, как это сначала могло казаться. И не только потому, что, расправляясь с генеральской фрондой, Гитлер ограничился отставками и никого не расстрелял, не кричал на весь мир, что во главе его армии стояли подлые изменники, а, наоборот, благодарил и восхвалял уволенных генералов, и, наконец, сумел во время остановиться, ограничившись одним быстрым ударом, тогда как Сталин — «величайший гений всех времен и народов» — начав расправу, никак из нее вылезти не может, и творит величайшее опустошение. Наиболее существенно то, что в Германии дело шло о проведении задолго придуманной и подготовленной реформы управления военным, внешнеполитическим и хозяйственным аппаратом. Реформы эти должны были завершить постройку тотального германского государства, и не только новые органы, но и новые люди уже были подготовлены.

Это завершение прошло не гладко, вследствие сопротивления, исходившего от части генералов и из кругов крупной промышленности. Происшедшее потрясение не могло, конечно, остаться без последствий. В частности в армии, наверное, имеются явления дезорганизации. Будем надеяться, что образовавшиеся трещины не будут целиком заделаны, а останутся и углубятся — в том смысле, что потрясения, захватившие пока только верхушку, дадут все же известный толчек к образованию более широких оппозиционных настроений. Но не будем утешать себя сравнениями, которые на деле выдвигает момент не столько сходства, сколько различия — и, увы! далеко не в пользу Сталина и Сов. России. Не будем недооценивать нашего основного противника: Германия осталась огромной силой, а Гитлер показал еще раз, с какой быстротой и энергией он умеет эту силу активировать.

Возможно, что, как реакция против первоначального преувеличения, у большинства государств проявляется теперь склонность недооценивать значение германского кризиса и видеть только те явления, которые должны после преодоления возникших трений вести не к ослаблению, а даже к усилению германской военной мощи. Во всяком случае, критический момент не был достаточно использован для политической активности. Мы имеем в виду, конечно, активность дипломатическую, которая именно в этот момент могла быть прояв

О. БАУЭР.

Диктатура и свобода в идеологии нелегальных партий.

(Окончание).

В феврале 1848 года парижский пролетариат завоевал на баррикадах демократическую республику. Но всеобщее избирательное право передало власть в республике буржуазии, опирающейся на крестьянские массы. Бужуазия в июне 1848 года провоцировала парижский пролетариат на вооруженное выступление и его кроваво подавила. Это поражение произвело переворот в мышлении наиболее передовых слоев пролетариата, в их отношении к демократии. Под влиянием июньской резни Маркс писал: «Лишь поражение пролетариата убедидло его в том, что самое ничтожное улучшение его положения в рамках буржуазной республики является утопией, и притом утопией, которая становится преступлением, как только пытается себя осуществить На место тех, по форме далеко идущих, но по своему содержанию мелочных и все еще буржуазных требований, выполнения которых пролетариат собирался добиваться от февральской республики, был выдвинут смелый, революционный, боевой клич: свержение буржуазии! Диктатура рабочего класса!»

Эту диктатуру Маркс в тот момент представлял себе, как вышедшую из революции строго-централизованную власть. В своем обращении к Союзу Коммунистов в марте 1850 г. Маркс писал: «Рабочие должны стремиться не только к единой и неделимой немецкой республике, но и в ней самой — к самой решительной централизации мощи в руках государственной власти. Они не должны поддаваться демократической болтовне о свободе общин, о самоуправлении и т. п. В стране, как Германия, в которой еще придется уничтожить столько остатков средневековья, в которой придется сломить еще так много местного и областного упрямства, нельзя никоим образом допустить, чтобы каждая деревня, каждый город, каждая провинция могла ставить все новые препятствия революционной деятельности, которая во всей своей силе может исходить только из центра... В современной Германии, как и во Франции 1793 года, задачей действительной революционной партии является проведение строжайшей централизации».

Но французская буржуазия, подавив пролетариат в июньской резне, сама переуступила власть Наполеону III-му. Централизованный бюрократический военный аппарат Империи, «это ужасное паразитическое образование, которое, как оболочка, облегает все тело французского общества и закупоривает все его поры» (Маркс), подчинил себе весь французский народ. Вс

лена без всякого риска вызвать войну. В Румынии было, правда, сделано начало. Но когда Гитлер направил свою энергию против Австрии, то не только парализованная своим внутренним положением и в частности разгромом своего дипломатического аппарата Сов. Россия, но и западно-европейские державы не сумели оказать никакого действенного противодействия. Гитлеровская диктатура получила даже еще, так сказать, дополнительное торжество в виде головы ненавидимого ею Идена, о котором Гитлер говорил в своей речи с прямо-таки неприличным издевательством.

Три недели большого исторического значения и с очень печальным результатом. Просмотренный отрезок фильмовой ленты заканчивается торжественным заявлением Гитлера, что Германия никогда не вернется в Лигу Наций, подтверждением немецких колониальных требований, отказом от всяких конференций и экономических компромиссов и почти не замаскированной военной угрозой Чехословакии, с одной, и очень опасным колебанием английской внешней политики, с другой стороны. Германский народ безмолвствовал во время разразившегося там кризиса — несчастный народ под игом диктатуры. Но проявили-ли достаточную бдительность и активность живые силы в нескованных диктаторским насилием демократических странах? Не повинны-ли они в том, что они дали забыть о них в те дни, когда их правительства стояли перед историческими решениями? Мобилизации социалистических и демократических сил в связи с событиями этих трех недель не было совсем. В значительной мере это об'ясняется тем, что неразрывная связь между собой событий, происходящих в разных концах Европы, хотя никем теоретически не оспаривается, но достоянием сознания широких кругов еще не стала. А между тем связь эта именно теперь может проявиться особенно трагическим образом, если, как этого приходится опасаться, поворот в английской политике развяжет Италии руки для усиления ее интервенции в Испании, а за успехом Гитлера в его шантаже против Австрии последует его натиск против Чехословакии, этого последнего оплота демократии в пространстве между Германией и Сов. Россией.

И. ГРЕКОВ.

Признаки времени

Бутенко-ли Бутенко? Только в наше время, когда бандитизм и всяческая уголовщина стали «государственными» в ряде стран, могло случиться, что эпизод, имеющи йне малое политическое значение — если не имеющий не малое политическое значение — если не симптоматическое, — оказался пока что сведенным к этому странному и кляузному вопросу.

Бутенко-ли самолично говорит со страниц итальянской печати и вещает через громкоговорители римского радио, или-же некий новый Лже-Димитрий, сфабрикованный ловким римским диктатором? И не подлинный-ли «признак времени» в том, что в наш век пара, электричества, аэропланов, телеграфа, телефона, радиовещания и телевизии, оказывается невозможным попросту веселым хохотом ответить на этот вопрос, а приходится серьезно задумываться: а, ну как и в самом деле это — не сталинский выкормок Бутенко, а сконструированный Муссолини и Гитлером «анти-коминтернов-

---

оппозиционные движения против Империи, все освободительные течения становятся поэтому анти-этатистскими, враждебными централизованному бюрократически-военному аппарату насилия. Сам Маркс писал уже в 1852 г. в своем «18 Брюмера», что каждая народная революция должна стремиться разбить централизованный аппарат государственного насилия, а не овладеть им. Когда, наконец, после Седана Империя Наполеона III-го пала, то пролетарская революция в Парижской Коммуне приняла анти-этатистский характер: ее первые декреты прокламировали роспуск центральной бюрократии и постоянной армии и подчинение полиции коммунальным учреждениям. Сам Маркс, который еще в 1850 г. так резко отбрасывал «демократическую болтовню о свободе общин», теперь об'явил, что замена централизованного бюрократически-военного государства свободной федерацией общин является подлинной, наконец, открытой формой диктатуры пролетариата.

В развитии политической мысли нелегальных социалистических групп в Италии, — и не одной только Италии, — повторяется ныне процесс, который французский пролетариат, — и с ним вместе Маркс, — проделали на протяжении периода от 1848 г. до 1871 г., от июньского восстания до Коммуны. В первый момент после победы фашизма, — как и после июньской резни, — пролетариат разочарованно отворачивается от демократии и об'являет своим боевым лозунгом диктатуру пролетариата. Под влиянием якобинских, бабувистских и бланкистских традиций в период после июньской резни, — под впечатлением большевистского образца после побед фашизма — пролетариат представляет себе эту диктатуру пролетариата как строго-централизованную революционную власть. Но под ярмом фашистского этатизма, — как в свое время, под игом бонапартизма, — мышление пролетариата становится антиэтатистским; его лозунгом становится освобождение от в с я к о г о централизованного бюрократически - военного аппарата угнетения. Он стремится вложить в понятие свободы новое, отличное от буржуазной демократии, революционное содержание. Он стремится представлению о революционной диктатуре придать новый, отличный от старого якобинизма, бланкизма и большевизма, «свободолюбивый» смысл, старается соединить свободу и диктатуру в высшем синтезе «либертарной» революционной диктатуры самих народных масс, освобожденных от всякого централизованного чиновничьего и военного государственного аппарата.

***

Но может-ли это новое «либертарное» представление о диктатуре выдержать проверку историческим опытом нашего времени?

Накануне октябрьской революции Ленин представлял себе будущую Советскую республику в безусловно «либертарном» виде, — как федерацию революционных рабоче крестьянских советов, опирающихся на вооруженные народные массы, без центрального бюрократического аппарата и без постоянной армии. В первые месяцы своего существования Советская республика и в самом деле была такой. Но победить в граж-

ский» робот? Ибо — после московских процессов, таинственных похищений, убийства Рейсса, с одной стороны, поджога рейхстага, «пиратства» в Средиземном море, подвигов французских «кагуляров», германским и итальянским динамитом взрывавших помещения предпринимательских организаций и копивших германское и итальянское оружие на предмет взрыва отечественного Народного Фронта, с другой, — кто может еще сомневаться, что всяческая уголовщина входит обязательным составным элементом в «государственную» политику кое-каких «правителей»? И кто будет иметь смелость а-приори отвергнуть возможность использования этими «правителями» и такого, относительно безобидного, вида уголовщины, как самозванщина? Неужели-же Муссолини положит охулку на руку там, где ее не клали ни Гитлер, ни Сталин?

Когда 6 февраля, через два дня после таинственного отбытия из Бухареста и последующего бесследного исчезновения советского полпреда Островского, исчез бесследно и только что заменивший его советник полпредства Бутенко, сталинское правительство и сталинская печать сейчас-же заявили, что он убит врагами сталинцев, едва-ли не при содействии стоявшего тогда у власти в Румынии фашистского правительства Гога, и, угрожая ультиматумами и даже концентрацией войск на советско - румынской границе, требовали немедленного и строжайшего расследования этого вопиющего дела при участии представителей советской власти — точно так же, как в 1914 году Австрия требовала от Сербии расследования Сараевского убийства при участии австрийских чиновников. И никому не показалось невероятным предположение, что фашистское правительство Румынии и впрямь было причастно к убийству посланника «дружественной» страны, — признак времени! А, с другой стороны, сведующие в сталинских порядках люди высказывали уверенность, что, если сталинское правительство на следующий-же день после исчезновения Бутенко так определенно утверждает, что он убит, то, значит, сами сталинцы его и убили, а теперь только заметают следы, — тоже признак времени!

Но через 10 дней после исчезновения Бутенко выплыл в Риме, где первым долгом счел нужным засвидетельствовать свои украинско - фашистские убеждения и рассказать, как он чуть не полтора десятка лет притворялся вернейшим сыном сталинской церкви, чтобы добиться наконец возможности очутиться на свободе заграницей и припасть к стопам итальянского дуче. И тут-то и начался невероятнейший фарс. Тщетно Бутенко заявляет, что он Бутенко, тщетно подтверждают его «самоличность» итальянские дипломаты, знавшие его по Бухаресту. Москва упорно твердит: Бутенко не Бутенко, а сфабрикованный итальянскими фашистами самозванец!

Задача Сталина легка. Ему не надо даже изобретать «собственного», самого настоящего Бутенко, как в свое время он изобрел «собственного», самого настоящего Абрамовича: Бутенко, ведь, «убит»! И в подтверждение того, что Бутенко — не Бутенко, он может привести сотни, тысячи самых «достоверных» свидетелей, вплоть до жены и дочери самого Бутенко, находящихся в его руках: разве был у него когда-нибудь недостаток в свидетельствах, подтверждавших поездку Абрамовича в Москву, свидание Гольцмана с сыном Троцкого в давно исчезнувшем копенгагенском «отеле Бристоль», полет Пятакова в Осло и другие столь-же фантастические «истинные происшествия»? И разве мало видели мы вдов, жен и детей, свидетельствовавших «измену» их расстрелянных или недострелянных мужей и отцов? А тому, кто сочтет невероятным, чтобы «вождь» великой державы прибегал к такой уголовщине, в какой Москва обвиняет Муссолини, сталинская диктатура сможет легко ответить указанием на свою собственную практику: гнусные деяния Сталина служат порукой уголовной дееспособности и Муссолини, не говоря уже о собственных деяниях последнего.

данской войне удалось только путем создания строго-дисциплинированной Красной Армии с единым командованием. Хозяйственную разруху периода гражданских войн можно было преодолеть только при помощи диктатуры строго - централизованной бюрократии. Гигантские жертвы, которых потребовало построение социализированной индустрии и коллективизированного сельского хозяйства, можно было навязать народным массам только при помощи диктатуры гигантского бюрократического аппарата. Так из свободной федерации революционных советов, какой являлась Советская республика в первые месяцы своего существования, под влиянием железной необходимости развилась диктатура всеоб'емлющего, всем управляющего бюрократически-военного аппарата.

Аналогичное принудительное развитие происходит и в испанской гражданской войне. Когда в июле 1936 г. испанские и каталанские рабочие разоружили и победили восставшие под знаменем Франко гарнизоны, фактическая политическая власть перешла в руки местных комитетов, полицейская власть — в руки местных добровольных милиций, военная власть — в руки пролетарских милиций, созданных профессиональными союзами. Но для того, чтобы успешно вести войну против Франко, пришлось преодолеть анархию локальных комитетов и милиций, путем величайших усилий вновь восстановить командную власть центральной правительственной власти, сосредоточить в ее руках всю полицейскую власть и создать под единым командованием хорошо дисциплинированную армию.

«Революция, — говорит Энгельс, — это самая авторитарная вещь, какую только можно себе представить. Это акт, которым одна часть населения навязывает свою волю другой части при помощи весьма авторитарных средств — ружей, штыков и пушек. Победившая партия вынуждена поддерживать свое господство при помощи страха, который ее оружие внушает реакционерам». «Либертарная» массовая диктатура может явиться лишь в результате гигантского революционного процесса, разрушающего бюрократически - военный аппарат насилия. Но, как показали и русский и испанский опыты, самый этот революционный процесс навязывает вышедшей из него революционной власти авторитарный характер, который уничтожает и исключает его «либертарность».

Маркс пишет: «Класс, в котором сосредоточиваются революционные интересы общества, находит, после своего восстания, содержание и материал для своей революционной деятельности в своем собственном положении: она должна разбить своих врагов, принимать меры, вызываемые потребностями борьбы. Последствия ее собственных действий гонят ее вперед. Она занимается не теоретическими изысканиями, а своими собственными задачами». Какие именно меры рабочий класс фашистских стран должен будет принять, когда он восстанет против фашистской деспотии; в какие организации и учреждения революционная власть воплотится после своей победы, — это будет зависеть от конкретных условий, при которых произойдет восстание, от конкретной обстановки, в которой она завоюет свою

Так создадется порочный круг, из которого как будто нет выхода. Сталин играет беспроигрышную игру, потому что в наше время, действительно, настолько «всему можно поверить», что сотни тысяч и миллионы людей «верят» не в силу каких-либо об'ективных доказательств и даже не в силу вероятности, а единственно и исключительно в силу своих общих политических взглядов и симпатий. Целый ряд месяцев работала и 700-страничный том выпустила Нью-Иоркская комиссия, чтобы доказать неопровержимо вздорность и клеветнический характер обвинений во вредительстве, шпионстве и службе Гестапо, выдвинутых Сталиным против Троцкого и послуживших предлогом к сталинской кровавой расправе с цветом старого большевизма. И что-же? Помешало это Сталину в «тезисах» к 20-летию Красной Армии говорить о «предательстве Троцкого и его бухаринских подручных» и только в этой связи — один единственный раз! — упомянуть имя действительного организатора и строителя Красной Армии? Помешает это ему и впредь клеймить всех своих политических противников, как германо-японских шпионов? Помешает это Кашенам и Торэзам всего мира «верить» или делать вид, что они «верят» всей лжи московских процессов и беспроцессных расправ?

Мы должны поэтому быть готовы к тому, что тема о «самозванстве» Бутенко будет усердно разрабатываться и самим Сталиным, и всеми его отечественными и заграничными прислужниками, и что вариации на эту тему немало тумана будут вносить в это дело. Что касается нас, то, должны признаться, мы не очень то верим в это «самозванство».Не потому, конечно, что считаем Муссолини и Гитлера менее способными, чем Сталин, мастерить на потребу своей политики нужных им Лже-Бутенок, а потому, что слишком уж кстати подвернулось это «самозванство» для московского «вождя народов», — настолько кстати, что ему непременно надо было бы выдумать его, если бы его на деле не было.

В самом деле: побег Бутенко — явление совершенно иного порядка, чем столь нашумевшее недавно «бегство от Сталина» советского генерала Кривицкого (Вальтера) или полпреда в Греции Бармина. Кривицкий и Бармин — это представители того поколения большевизма, которое выросло в революции и которое Сталин теперь безжалостно и систематически истребляет. Это — люди, сохранившие верность идеям пролетарского социализма и с ужасом замечающие, в какой кроваво-грязной трясине топит дорогое им дело политика сталинской диктатуры. Они бегут от Сталина не затем, чтобы отречься от этого дела, а затем, чтобы, критически переработав свое собственное идейно-политическое прошлое, найти новые пути служения рабочему классу и слияния с мировым социалистическим движением пролетариата.

Совсем другое дело Бутенко. Он как раз и является одним из представителей того «сталинского племени», которым Сталин вытесняет и заменяет на всех решающих государственных постах и до-революционный, и в революции выросший большевизм. От этого «племени» не требуют ни революционных традиций, ни стойкости социалистических убеждений. От него требуют только беспредельной, «стопроцентной» преданности гениальному вождю и беспрекословной готовности выполнять без рассуждения все его приказы, вплоть до самых преступных. К этому «племени» и принадлежит Бутенко. Он — один из первых выучеников той «школы дипломатов» при Наркоминделе, в которую Сталин и Ежов посылают своих ставленников, предназначенных для замены снимаемых с постов и истребляемых «старо-большевистских» дипломатов. После неоднократной «чистки» и этой школы Бутенко оказался в числе тех «абсолютно проверенных», которым Сталин-Ежов сочли возможным оказать «полное доверие». В качестве такого, облеченного полным доверием сталинца Бутенко был командирован в советский павильон на Парижской выставке и, начав после этого

победу, от тех конкретных потребностей, которые вышедшая из восстания власть должна будет удовлетворить. Все это будет меняться в зависимости от страны, и мы бы вдались в сектантство и утопизм, если бы стали сейчас разрабатывать конкретные рецепты.

Мне, поэтому, представляется ошибочным стремление уже теперь закрепить в мировоззрении нелегальных социалистических партий какое-либо «либертарное» представление о диктатуре пролетариата. И тем не менее, мне кажется, что «либертарные» устремления части наших итальянских друзей являются необходимым предостережением и призывают к выполнению необходимой воспитательной задачи.

***

Развитие русской революции с несомненностью показало, что диктатура пролетариата с неизбежностью превратилась и должна была превратиться в диктатуру вышедшей из пролетариата бюрократии, господствующей в пролетарском государстве, направляющей путем принуждения развитие этого государства в исторических интересах пролетариата. Но история русской революции показывает нам и огромную опасность этого закономерного развития. Она показывает нам, что диктатура пролетариата осуществляемая при посредстве вооруженной неограниченной властью бюрократии, превращается в диктатуру бюрократии над пролетариатом и над всем обществом и грозит привести к диктатуре одного лица над бюрократией. Она показывает нам опасность, что бюрократия становится самостоятельной силой по отношению к обществу, классу, даже по отношению к той партии, из которой она вышла; что она превращается в самодержавно-господствующую касту, что она даже внутри пролетариата, даже внутри самой господствующей партии при помощи кровавого насилия подавляет всякую свободу мнения и самодеятельности; что она стремится сохранить свое неограниченное господство и тогда, когда ее функции уже частью выполнены, и развитие к социализму уже требует постепенного уничтожения ее господства.

Целью социализма является уничтожение классов и тем самым классового господства, т. е. уничтожение господства человека над человеком и создание свободного общества, в котором господство над людьми заменено управлением вещами и процессами производства. Эту цель пролетариат может осуществить лишь в результате гигантских революционных процессов, в которых он сломит сопротивление привилегированных классов капиталистического общества и слепо идущих за ними трудящихся; ему для этой цели придется временно снабдить свои органы чрезвычайными, неограниченными полномочиями, которые временно чувствительно ограничат свободу личности и некоторых узких кругов общества. Никакие «либертарные» представления не смогут освободить пролетариат в период больших революционных процессов от этой временной необходимости. Но опасности, связанные с такого рода временными, но неизбежными мероприятиями, смогут быть устранены и преодолены лишь тогда, если сам рабочий класс и, прежде всего, ведущая этот класс пар-

свою дипломатическую карьеру, перескочил через 6 низших служебных степеней и сразу оказался советником посольства в Бухаресте, а через два месяца заместителем отозванного полпреда — пост, с которого, как мы уже отметили, он ровным счетом через два дня сбежал к своему новому вождю и повелителю — Муссолини.

«Стопроцентно проверенный» сталинец оказался закоренелым фашистом, полтора десятка лет таившим свою истинную природу и успешно, шаг за шагом пробиравшимся в верхи сталинской бюрократии. Это оказалось возможным именно потому, что для столь успешного прохождения карьеры ему не надо было ничего, кроме непрерывного демонстрирования своей «стопроцентной» преданности «вождю» и «стопроцентной» готовности своей перервать, по указке того-же вождя и его подручного Ежова, горло всем троцкистско-бухаринско - меньшевистским «врагам народа».

Но сколько-же таких Бутенок готовится еще в дипломатических и иных школах Сталина-Ежова? Сколько засело их уже в «очищенных» и «проверенных» кадрах военной, административной, полицейской, хозяйственной и партийной бюрократии сталинской диктатуры? Сколько их притаилось в самом ближайшем окружении диктатора в ожидании того часа, когда уже не в Италии, а в самом Советском Союзе они смогут сбросить «сталинскую» маску? Разве не оказались Сталин и Ежов уже и сейчас вынужденными «чистить», как «беспринципных карьеристов» и «перестраховщиков», тех «чистильщиков», руками которых они только что разгромили большевистскую партию?

Для Сталина-Ежова случай Бутенко — это «мене, текэл, фарес», начертанное рукою исторической Немезиды на стенах Кремлевского дворца в самый разгар их торжества над всеми врагами и супостатами. Это — грозное напоминание о том, что «обезопасить» сталинское единодержавие от всякой пролетарской, социалистической и демократической оппозиции они могут, лишь вводя в крепость свою врагов совсем иного рода, которые, конечно, помогут им задушить революцию, социализм и демократию, но лишь затем, чтобы тем вернее свернуть шею им самим. Удивительно-ли, что они стараются не только весь мир, но, быть может, и самих себя убедить, что Бутенко — не Бутенко, а самозванец? Удивительно-ли, что все бесчисленные Бутенки, окружающие их плотным кольцом, будут и со своей стороны благим матом кричать о самозванстве? Но удивительно-ли и то, что, вопреки всем этим крикам, всякий вдумчивый наблюдатель неудержимого развала сталинской диктатуры оценит случай Бутенко, как подлинный «признак времени» — сталинского времени?

Слава героям!

Весь мир с глубоким волнением следил за 10-месячной эпопеей отважной четверки, высадившейся на льдину у северного полюса и проделавшей на ней 2000-километровый путь. Весь мир с замиранием сердца ловил за последние недели вести о героической борьбе ее с стихией полярного моря, ежеминутно угрожавшей ей гибелью. И весь мир взодхнул облегченно, когда узнал о чудесном спасении Папанина и его спутников другими героями, побеждавшими льды и бури Приполярья, чтобы пробиться к заветной льдине. Слава героям!

Да, слава героям! Слава тем, кто, ставя свою жизнь на карту, стремится изведать неизведанное и проложить новые пути человечеству! Таких героев много рождает советская земля, и излюбленным полем приложения их отваги все больше и больше становится Арктика.

Это нетрудно, кажется, об'яснить. Чем более крепкими цепями сковывает человека «общественность», тем настойчивее ищет неумирающий народный гений возможности проявить себя во вне-общественной сфе-

---

тия будут воодушевлены сильной волей к свободе; если они эти временные ограничения свободы, вызываемые потребностями революционной борьбы, будут рассматривать лишь как боевые мероприятия, как жертву, которая, будучи принесена во имя полной свободы завтрашнего дня, не должна принять бо́льших размеров, чем это абсолютно необходимо, и не должна продолжаться ни одной секунды дольше, чем это неизбежно; если она свои собственные органы, которые она вынуждена временно снабдить чрезвычайными, ограничивающими свободу полномочиями, поставит под свой бдительнейший, недоверчивейший контроль, для того, чтобы эти органы не стали властелинами, для того чтобы средство, т. е. боевые меры, необходимые для завоевания полной свободы, не превратились в препятствие для достижения цели — завоевания полной свободы.

Государственное рабство, которому фашизм подчиняет весь народ, должно в ходе развития фашизма наполнить широкие трудящиеся массы страстной волей к свободе. Социализм сможет руководить борьбой народных масс против фашизма лишь в том случае, если он сам будет проникнут самой напряженной волей к свободе; лишь в том случае, — если господствующий в нем дух будет давать трудящемуся народу гарантию, что он не заменит одной государственно - бюрократической диктатуры другой, а будет бороться за полную свободу, и даже те неизбежные ограничительные меры, которые вызываются потребностями борьбы, будет допускать лишь в той мере, и лишь на тот срок, какие необходимы для осуществления полной свободы.

Наиболее удачную формулировку нашел для этих мыслей наш итальянский товарищ Г. Сарагат в своей короткой, но богатой мыслями статье в журнале «Socialismo» от августа 1937 г. Вот что он пишет по этому поводу:

«Социализм и свобода являются лишь двумя сторонами одной и той же общественной действительности. Нет социализма без свободы и нет свободы без социализма. Мы боремся против капитализма, потому что он подавляет свободу человека. Мы боремся за социализм, потому что только в социалистическом обществе свободное развитие каждого станет условием для свободного развития всех.

Конечно, бывают моменты, когда буржуазия вверяет свою судьбу вооруженной борьбе. Пролетариат должен духовно и материально быть подготовлен к тому, чтобы дать отпор насильственному натиску буржуазии. Утопическое представление о возможности постепенного и мирного социального преобразования общества опровергнуто событиями в Италии, Германии, Австрии и Испании.

Но тот факт, что мы предвидим момент, когда Гордиев узел социального вопроса сможет быть разрублен только мечем, не должен нас приводить к ложному заключению о наличности противоречия между социализмом и свободой или между революцией и свободой.

Привыкнув связывать представление о свободе и демократии с образом мирного восхода сонлца, иные социалисты перед лицом бушующих бурь начинают думать, что свобода умерла, и только через ее разлагающ

ре техники, открытий, дальних путешествий и экспедиций. И чем меньше может человек развернуть свою духовную и эмоциональную сущность в служении общественному делу, тем неудержимее возникает у глубоких и сильных натур потребность изжить полностью свое индивидуальное «я» в подвигах, протекающих вне рамок замордованной общественности. Что-же может быть благоприятнее для таких подвигов, чем жаркие пустыни тропиков или холодные просторы Приполярья, где нет никакого «общества», и где человек-индивидуум самой силой вещей поставлен лицом к лицу с одной только природой? Вот почему времена господства деспотии и тирании так часто бывают временами расцвета техники, открытий и изобретений. И вот почему в придавленном пятой сталинской диктатуры Советском Союзе так сильна тяга к молчаливым пустыням Арктики и стольких героев рождает эта тяга.

Но недаром мы живем в век радио и аэропланов. Только эти орудия современной техники дали папанинцам возможность осуществить их чудесный подвиг. Но эти-же самые благодетельные орудия обусловили неразрывность связи их с той «общественностью», из которой они бежали на полюс, и на все время пребывания их на льдине подчинили их законам этой «общественности». Свой беспримерный героизм они должны были класть к стопам диктатора. С криком «ура Сталину» спустились они 10 месяцев тому назад на полярную льдину и с тем-же криком покинули ее после 2000-километрового пути. И можно уже заранее предвидеть, в какое коленопреклонение перед диктатором обратится торжественное чествование славной четверки...

Слава героям! Но позор той удушливой деспотии, которая самое право на геройство, возвышающее и поднимающее человека, заставляет покупать ценою человеческого унижения...

ЛИТЕРАТУРА и ЖИЗНЬ

В ДЕПАРТАМЕНТЕ ПО ДЕЛАМ ЛИТЕРАТУРЫ.

Скрипит, тяжело переваливаясь с боку на бок, воз советской литературы, в'езжая на новый этап. Лозунги о «бдительности» и «сверх-бдительности» сменяются окриком: куда прете, людей давите! Начинается второй тур кампании: правда, не на первой странице, не под хлесткими шапками о «змеином отродье», а на четвертой странице петитом идет частичное восстановление репутаций ошельмованных писателей. Так, на задворках «Литературной газеты» недавно напечатано маленькое извещение о том, что на предстоящем вечере поэтов в числе других с чтением своих произведений выступит поэт Безыменский, исключенный из партии за «троцкизм». Или сообщается выписка из протокола заседания райкома об обратном приеме в партию писателя Афиногенова, об'явленного врагом народа» за связь с Киршоном и Авербахом (а, значит и с Ягодой!); «ряд фактов, пред'явленных Афиногенову — видите-ли — не подтвердился». Райком и «Литературная Газета» считают, что этим маленьким об'явлением они целиком и полностью расквитались с Афиногеновым за те реки грязи, в которых они в течение полугода топили его имя...

Чумеют писатели от всей этой сумасшедшей чехарды. И хуже всего ведь то, что о действительно-трагическом тупике, скрывающемся за всеми этими зигзагами, ни с кем нельзя поговорить просто, доходчивыми до сердца словами: «Оглянитесь: все роли играют, не люди, а фальшивомонетчики».

труп человечество сможет притти к обществу будущего. Но умерла в действительности лишь иллюзия о мирном восходе солнца, лишь ни на чем неоснованное отожествление революционного исторического идеала с социальным пацифизмом, исполненным благочестивых пожеланий, но опровергнутым фактами. Идеал свободы, который должен воодушевлять пролетариат — это красное знамя революционной борьбы, а не знамя социального мира. Неумирающим лозунгом всех революций являлась: свобода или смерть!

Но, скажут критики, ведь в процессе борьбы, в революционной фазе пролетарского правительства придется нарушить политическую свободу.

Давайте разберемся. Насильственная борьба разрывает «общественный договор» и ставит на его место отношения чистого насилия. Идеал свободы, воодушевляющий пролетариат, должен искать своего осуществления через революционную борьбу, в которой решает не право, а насилие, — в этом трагедия всех революций. Но это не меняет того факта, что судьба идеала свободы будет зависеть от того, останется-ли и на этой фазе свобода господствующей идеей революционного класса.

Когда Ленин на своем пути к осуществлению коммунистического общества в определенный момент был вынужден отодвинуть на задний план социалистические формулы и вместе с Нэпом допустить восстановление элементов капиталистического хозяйства, то это еще отнюдь не значило, что он отказался от социализма. Ибо вся его тактика, даже в этот момент, определялась доминирующей идеей социализма. Подобно этому, в ходе развития революционной борьбы вполне может случиться, что пролетариат будет вынужден ввести известные ограничения свободы и принести в жертву человеческую индивидуальность сегодняшнего дня для того, чтобы обеспечить ей наиболее свободное развитие завтра. Но подобного рода революционные мероприятия борющегося пролетариата будут оправданы историей лишь тогда, если они будут поставлены на службу идее человеческой свободы.

Если же, вместо этого, противопоставить друг другу понятия социализма и свободы, то трагические временные мероприятия превращаются в постоянные предпосылки будущего общества. А это в свою очередь должно вызвать скептицизм и иронию по отношению к тем духовным ценностям, без которых социализм сводится к чисто экономической системе.

Мы должны вернуть социализму, помимо его экономического значения, его человеческое значение, рассматривая его как служение свободе. И тогда мы увидим, что неизбежный временный отказ от индивидуальной свободы является лишь ценой, которую все революции вынуждены платить, и которая лежит в той же плоскости, как и ленинский Нэп, — неизбежный временный отказ от известных форм немедленной социализации. И тогда мы увидим, что то кажущееся противоречие между революцией и свободой, о котором говорит определенная ребячья философия, столь же мало существует на деле, как и противоречие между революцией и социализмом».

«Прошедший год был для литературы, как и для всей жизни нашей страны, годом великого очищения. Но борьба еще не окончена. Еще много усилий, ума и бдительности понадобится для того, чтобы очистить литературные ряды от троцкистско - бухаринской фашистской агентуры», — вещает передовик «Литературной Газеты», поигрывая в кармане мандатом на разгон нынешнего руководства Союза советских писателей. Сигнал к чистке дан «письмом пяти» за подписью Алексея Толстого, Фадеева, Корнейчука, Вал. Катаева и Караваевой. Меч занесен над Ставским, фактическим руководителем Союза, недавно избранным в Верховный Совет.

Присматриваясь к подготовке этой новой кампании против нынешнего руководства «Департаментом по делам литературы» как теперь именуют иногда Союз советских писателей, — сразу видишь, что она задумана в плане основательной «перестройки». Налицо все аксесуары обычной, широкой кампании: тут и «сигналы» о бесконтрольной выдаче авансов, о вопиющей коррупции и групповщине; «за ушко да на солнышко» вытащены имена писателей, задолжавших большие суммы Литфонду, тут и стандартная спекуляция именем начинающего писателя, которого, мол, затирают матерые бюрократы, тут и разнос за «заседательскую суетню», за невнимание к «рукописи», крокодилье сетование за невыносимую скуку обязательных «творческих вечеров»...

Курс ясен: надо найти козла отпущения за творческую депрессию, которую в связи с разгулом террора последнего года переживают основные кадры советской литературы, надо внушить писателю, что этот кризис вызван вовсе не террором и бесправием всей страны, а плохим руководством.

Ну, что-ж, сомневаться не приходится: выход из кризиса будет найден, у Союза советских писателей будет новая метла. Но не на эту мышиную возню вокруг опального руководства должно быть направлено внимание демократически настроенной части советского общества, расшифровке подлежит не состязание уязвленных самолюбий, не то, о чем громко говорят кандидаты в новые руководители литературной политики, а лишь то, что они тайно внушают своей присмиревшей и угнетенной писательской пастве.

Из недр писательской общественности, сложившейся в годы генеральной линии, с каждым днем все отчетливее проступает некое активное меньшинство, которое само себя воодушевляет тем, что оно одно знает, куда дует ветер. Доверьтесь нам, — настойчиво шепчут они писателям между строк оффициальной писанины, — и вы будете за нами, как за каменной стеной!

По своим приемам, по всей внешней установке это новое активное меньшинство напоминает старых напостовцев периода Нэпа, с одним существенным отличием: Напостовцы времени Нэпа терроризировали советскую общественность левой фразеологией. Они жили для борьбы за конечное торжество диктатуры пролетариата, они чувствовали себя дозорными и квартирмейстерами мировой революции.

Нынешнее меньшинство ощущает себя ячейкой будущей советской партии порядка. Старые напостовцы козыряли своим мандатом от революционного пролетариата, нынешнее меньшинство бахвалится мандатом от советского народа. И, наконец, последняя черта сходства: советская общественность периода Нэпа, поглощенная устройством своей жизни, по существу мало вникала в кликушества напостовцев и других крайне «левых» писательских группировок. Она воспринимала их скорее как эпигонов военного коммунизма, чем как носителей будущего, которым суждено сыграть решающую роль в «год великого перелома». Нынешняя писательская общественность тоже мало вникает в элементы новой складывающейся идеологии будущей партии порядка. Ей все кажется, что все эти разговоры о советском народе, о родине и народности — это что-то временное, дежурный лозунг, который завтра будет сменен другим. Это глубоко ошибочная установка. Нужно не только следить за элементами новой складывающейся идеологии, ежедневно, маленькими порциями прививающейся читателям через литературную критику, через художественные произведения, надо разоблачать ее социальную реакционность.

На отсутствие матерьяла жаловаться, увы, не приходится. Вот вышел, наконец, первый январьский номер журнала «Знамя». Он открывается двумя песнями о Ленине народных ашуков. Две песни о Ленине или Сталине, пусть и сложенные действительно ашуками, но они поданы в такой трафаретной форме «халтурных» переводов, что никого не трогают за сердце. Затем идет речь Сталина на предвыборном собрании, повесть Шкловского «Русские в начале XVII столетия», поэма Симонова «Ледовое побоище» и рассказ Паустовского, действие которого происходит... в 1826 году. В обозрении, посвященном этому номеру, казенный критик пишет: «Только народ бессмертен. Все остальное — преходяще. Поэтому надо уметь дорожить доверием народа». Эти слова, — говорит критик, — взяты эпиграфом к исторической повести, но редакция журнала «Знамя» имеет моральное право взять эти слова эпиграфом ко всему номеру, настолько подбор и разработка этой «единой темы» ею удачно выполнены. Казенный критик думает, что поэмой о «Ледовом побоище» и рассказами о жизни «русских в XVII веке» целиком удовлетворены все интересы советского народа!

Но, допустим, советский критик перестарался в своем усердии. Перед нами последняя повесть Валентина Катаева «Я сын трудового народа», единогласно удостоившаяся восторженного отзыва всей критики. Сюжет повести взят из гражданской войны на Украине. Старательный крестьянин Семен Котко любит девушку Софью, дочку деревенского богатея, сделавшего карьеру на военной службе, дотянувшись до чина фельдфебеля. Отец, конечно, не согласен на брак. Мировая война, призыв Семена — повышают его шансы. Верной службой он тоже хочет заслужить чин. А тут революция. Фельдфебель бежит. И Семен тоскует о возвращении домой, но чувство дисциплины берет верх, он дожидается всеобщей демобилизации и только тогда возвращается в родную деревню. Во время беспорядков на фронте он спас жизнь отцу Софьи и теперь рассчитывает, что тот отплатит ему по заслугам. Не тут то было. Начинается немецкая оккупация. Отец Софьи с немцами и с бывшим помещиком, Семен бежит, а Софью отец выдает за сына помещика. Об этом узнает Семен, партизанящий в лесах, организует налет на церковь, в которой происходит обряд венчания и следует сцена увоза Софьи; очень напоминающая соответствующую сцену из «Дубровского». Интереснее всего эпилог повести. Действие его происходит уже в наши дни. Семен Котко, «давно заворачивает заводом аллюминиевого комбината» где-то в Запорожьи, сейчас он с женой Софьей приехал в Москву поглядеть парад на Красной площади, где его сын приносит присягу. Он мало изменился, только потолстел малость, да в клочковатых бровях блестит седина. На лацкане пиджака красуется орден Красного Знамени, на локте висит самшитовая палка, купленая на курорте в Сочи. Софья тоже мало изменилась. Правда, и она раздобрела, и у нее нет-нет да сверкнет седина в волосах, но

глаза попрежнему молоды, выпуклы и «вишневы». Она одета так, как «в Запорожьи одеваются все не слишком молодые жены директоров: она в маленькой фетровой шляпе и габардиновом пальто с кроличьим воротником под котик и с манжетами того же меха». По площади проходят молодые красноармейцы. «Во всей суровой и доброй своей простоте стоит, принимая присягу, Сталин»...

Разве нужны комментарии к этой повести? А она типична для сегодняшнего этапа. Современные журналы, боясь попасть впросак с произведениями на темы сегодняшнего дня, пробавляются исторической тематикой. Она пользовалась популярностью и на излете Нэпа, когда еще можно было говорить о том, что «наш писатель болен». Но тогда писатели, ища убежища в историческом сюжете, делали прогрессивное дело: они ломали стандарт исторической повести, внесенный в русскую литературу Загоскиным и пользовавшийся особым покровительством реакционного лагеря старого режима. Сейчас, на каждом шагу клянясь именем и интересами советского народа, писатели воскрешают традицию исторических произведений самых мрачных времен царского режима. А советская критика бежит петушком за этими «историческими» произведениями и захлебывается от радости — какие умопомрачительные достижения, они возможны только «в стране победившего социализма»!

В. Александрова.

Ф. ДАН.

К единству профдвижения

Лишь в мае текущего года, когда соберется в Осло Генеральный Совет Международной Федерации Профессиональных Союзов, получит окончательное разрешение тот фазис переговоров о вступлении советских профсоюзов в МФПС, который был начат постановлением Лондонского Международного Профессионального Конгресса 1936 года, продолжен поездкой делегации МФПС в составе Жуо, Схевенельса и Штольца в Москву и временно завершен постановлением Бюро МФПС 12-13 января, отказавшимся санкционировать те условия вступления, которые явились результатом переговоров этой делегации с представителями ВЦСПС (см. предыдущий № «С. В.»).

Все говорит за то, что и Генеральный Совет МФПС такъ же отклонит московские условия, как отклонило их Бюро. И таким образом, если внутренне- и внешнеполитические соображения не заставят до тех пор Москву спешно отказаться от этих условий, надо считаться с тем, что и в мае вопрос о вовлечении советских профсоюзов в мировую профессиональную организацию положительного разрешения еще не получит. Это не значит, что он будет снят с порядка дня. Достаточно на минуту задуматься над тем, что творится ныне на всем белом свете, чтобы понять, как неразрывно связаны между собою судьбы международного рабочего движения в его отчаянной борьбе против фашизирующегося капитализма и судьбы Советского Союза, и как жизненно необходимы поэтому, с точки зрения того и другого, все формы организационного сплочения, подготовляющие политическую кооперацию международного и советского пролетариата в тех грозных и катастрофических событиях, которые надвигаются на Европу и на весь мир и в которых будет поставлена на карту вся будущность и советской революционной страны, и мирового рабочего социализма.

Это начинает как будто понимать даже Сталин, судя по его письму к комсомольцу Иванову, это инстинктивно чувствуют широчайшие массы рабочих всех стран, и не иначе как в аспекте этой мировой обстановки и надвигающихся мировых событий могут подходить к проблеме о восстановлении политического и профессионального единства рабочего класса социалисты-марксисты. Вот почему невозможно сомневаться, что и отрицательное решение майской сессии Генерального Совета МФПС ни в каком случае не сможет снять с порядка дня международного рабочего движения вопрос о таком крупном шаге к организационному сплочению всех сил мирового пролетариата, каким явилось бы вступление советских профсоюзов в МФПС. И вот почему для социалистов, самим мировоззрением своим обязанных разрешать проблемы рабочего движения в перспективе основных процессов мирового развития и решающих социальных сдвигов, не может быть в переживаемый исторический момент другой позиции в вопросе о восстановлении рабочего единства, кроме позиции самой активной борьбы за единство, основанной на уверенности, что самый ход вещей будет содействовать укреплению в сознании и практике рабочих масс всех стран (в том числе и Советского Союза) тенденций к слиянию их в тот единый и мощный мировой блок, какого требуют их жизненные интересы, и, наоборот, к ослаблению тех тенденций, которые такому слиянию препятствуют.

Это, разумеется, никоим образом не значит, что такие социалисты должны беспрекословно принимать все требования, которые тот или иной, и хотя бы весьма значительный, отряд рабочего движения, захочет выставить как условие восстановления органического единства. Самые пламенные сторонники восстановления политического единства пролетариата во Франции отнюдь не обязаны безропотно принимать все те условия, которые не только юридически формулируют, но, что гораздо важнее, фактически создают для этого восстановления Кашэн и Торэз или, через Кашэна и Торэза, Сталин. И точно так же самые пламенные сторонники восстановления профессионального мирового единства отнюдь не обязаны принимать все те требования, которыми ВЦСПС хочет обусловить свое вступление в МФПС. И если, напр., т. Шварц в своей статье «На пути в Амстердам» (№ 23-24 «С. В.» за 37 г.), с которой я целиком согласен, высказываясь принципиально за вступление советских профсоюзов в ВЦСПС, об этих требованиях, тогда еще точно не известных, вообще ничего не говорил, то я лично теперь, когда они стали известны, категорически заявляю, что считаю их неприемлемыми.

Мне эти условия кажутся неприемлемыми именно по тому, что они грозят создать непреодолимый барьеръ для того идейно-политического и организационного эндосмоза между международным пролетариатом и советскими рабочими массами, в котором только и могут проявить свое влияние основные тенденции мирового развития и общие пролетариям всех стран жизненные интересы, способные цементировать их подлинное единство. Если советские профсоюзы заранее выговаривают себе такие организационные привилегии, как непременное предоставление именно им постов одного из председателей и одного из генеральных секретарей, то это

значит, что они хотят войти в МФПС не как органическая составная часть ее, а как обособленный от нее организм, пользующийся особыми правами, другим контрагентам международного пролетарского об'единения не предоставленными: ибо кому-же не ясно, что, по существу, МФПС, как всякая международная организация, и без всяких предварительных «условий» считалась бы при замещении руководящихъ постовъ с той ролью и с тем значением, которые имеют рабочие массы Советского Союза в общей сумме международных пролетарских сил? И если (притом опять-таки без всякой действительной надобности по существу) ВЦСПС заранее фиксирует, как «условие» своего вступления, определенное направление политики МФПС в испанском, китайском и других вопросах, то это значит, что он отказывается участвовать на равных правах с другими национальными пролетарскими организациями в выработке общей линии международной пролетарской политики, а хочет сохранить за собою роль фактора, пользующегося всем международным весом Советского Союза для того, чтобы диктовать и навязывать свою политическую волю всем другим отрядам международного пролетариата. И этот вывод становится несомненным, когда ссылаясь на свои «огромные финансовые обязательства», ВЦСПС требует, чтобы вносимые им в кассу МФПС «миллионы» не шли «на пропаганду против СССР и советского профдвижения». Ибо опять-таки: кто-же не понимает, что пресловутая «пропаганда» призвана играть в международно-профессиональной политике ВЦСПС такую-же двусмысленную роль, какую, напр., в довоенной турецкой политике великих держав играло «покровительство христианам» или какую и сейчас зачастую играет в международных отношениях «защита национальных меньшинств»? Слишком очевидно, что, сохраняя за МФПС и за самим собою право критики тех организационно-политических принципов, на которых построена, напр., Американская Федерация Труда, ВЦСПС хочет в то же время присвоить себе право налагать запрет на все высказывания МФПС или других членов ее, в которых оно усмотрит или пожелает усмотреть критику тех принципов, на которых построено оно само, или которые оно признает противоречащими тем или иным интересам сталинской диктатуры.

Но, если условия, привезенные делегацией МФПС из Москвы, оказываются неприемлемыми, то отсюда следует лишь, что надо добиваться их аннулирования, и отнюдь нельзя считать исключенной возможность, что бурное развитие событий заставит ВЦСПС отказаться от своих «условий» гораздо раньше, чем это можно сейчасъ думать, — подобно тому, как Коминтерн был вынужден отказаться от знаменитых «21 условия». Делать из неприемлемости московских условий вывод, что вопрос о вступлении советских профсоюзов в МФПС должен вообще быть снят с порядка дня, могут лишь те, кто, независимо от всяких «условий», считает недопустимым принятие советских профсоюзов в международную пролетарскую организацию на том основании, что принципы организации, задачи и методы этих профсоюзов совершенно отличны от принципов организации, задач и методов «свободных» классовых профсоюзов, и кто поэтому сам готов поставить советским профорганизациям «условия», означающие не только их собственную коренную перестройку, но и решительное преобразование всего советского режима.

На такой точке зрения стоит, повидимому, Американская Федерация Труда, заявляющая, что она выступит из МФПС, в которую только что вошла, если в Международную Федерацию будут допущены советские профсоюзы. Но на нее, к счастью, не встало ни Бюро МФПС, ни такой крупный отряд международного профессионального движения, как английские трэд-юнионы. Как читатели могли убедиться из документов, напечатанных в предыдущем № «С. В.», и Бюро, и трэд-юнионы, «считая невозможным» принятие московских условий, высказываются в то же время за «нормальное» принятие профсоюзов СССР «на основе постановления Международного Конгресса в Лондоне, т. е. на основе политики и устава МФПС».

Нет сомнения, что для того, чтобы формальное вступление советских профсоюзов в МФПС превратилось в органическое срастание советского профессионального движения с профессиональным движением мировым, необходимо внесение некоего единства в самые принципы, на которых то и другое движение построено. Это, несомненно, предполагает внесение каких-то новых элементов в идеологию и практику международного профессионального движения. Но еще несомненнее предполагает такое срастание радикальное изменение идеологии и практики советской профорганизации, а именно превращение ее из орудия сталинской диктатуры для управления рабочими массами в орудие самодеятельной и организованной борьбы самих этих масс за их экономические и неразрывно связанные с экономическими политические интересы.

Недавно (см. «Проблема пролетарского единства» в № 23/24 «С. В.» за истекший год) я имел случай подробно говорить о том, почему и как в современной мировой и советской ситуации всякое соприкосновение советских политических и профессиональных организаций с свободными классовыми организациями пролетариата должно стимулировать процесс развития сознания советских пролетарских масс в направлении марксистского демократического социализма и толкать их к борьбе за подлинное овладение теми организациями, к которым они пока лишь формально «приписаны» и которые говорят «от их имени». Мне нет поэтому надобности снова повторять здесь все это. Но тот, кто хочет радикальное преобразование идеологии и практики советского профдвижения сделать «условием» допущения его в международную профессиональную организацию, тот, как говорят французы, хочет «впречь плуг впереди вола», тот хочет начинать дело с конца и получить готовые результаты раньше, чем пришли в действие факторы, способные эти результаты породить. И тому придется на себя пенять, если, вопреки всем его клятвам в верности делу рабочего единства, сознательные элементы рабочего класса, не только умом, но и сердцем ощущающие жизненную важность — не бесплотной «идеи единства», а практического сближения социалистического и коммунистического отрядов пролетариата в предстоящей ему гигантской борьбе с фашизмом-капитализмом и практического вовлечения советских трудящихся масс в эту борьбу, увидят в нем фактического противника рабочего единства, препятствующего пролетарской победе.

Конечно, я хорошо знаю (и в только что названной статье и об этом говорил достаточно подробно), что и при наличии формально-организационного соприкосновения советских организаций с организациями международными возможность непосредственного воздействия последних на формирование сознания советских пролетарских масс будет до последней степени ограничиваться и той цензурной колючей проволокой, которая окружает Советский Союз, и, особенно, тем, что контрагентами «соприкосновения» будут с советской стороны не столько представители советского пролетариата, сколько агенты сталинской диктатуры. Но возражением против принятия советских профсоюзов в МФПС эти соображения могли бы служить лишь постольку, поскольку возражатели могли бы доказать,

что отсутствие всякого «соприкосновения» эту возможность расширило бы, — явный абсурд!

Да, возможности идейно-политического воздействия демократического пролетарского социализма на формирование сознания советских трудящихся масс при всех условиях будут на первых порах крайне ограничены, и трудности велики. Но отсюда отнюдь не следует, что надо с самого начала капитулировать перед этими трудностями, и еще менее того, что надо собственными руками увеличивать их, давая сталинской диктатуре видимость основания утверждать, что причиной крушения движения к единству является не ее режим, а сектантское сопротивление социализма. Отсюда следует лишь, что социализм должен удесятерить активность и энергию своей борьбы за рабочее единство в твердой уверенности, что он явится в этом случае выполнителем велений исторической необходимости и создаваемых этою необходимостью жизненных интересов мировых и советских трудящихся масс, и что именно поэтому ему будет принадлежать победа! Демократический марксистский социализм должен, прежде всего, верить в самого себя!

ЗАГРАНИЦЕЙ

НОРВЕЖСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ И РСИ.

Центральный Совет Норвежской Рабочей Партии обсудил на своем заседании 9-го января в Осло вопрос о вступлении партии в РСИ, и всеми голосами против одного принял постановление подать заявление о вступлении партии в РСИ, считая с 1 января 1938 г. Решение это передано на обсуждение местных организаций, которые должны высказаться по этому вопросу до конца февраля.

В докладе, представленном ЦК Совету партии указывается, что норвежская рабочаяя партия всегда была сторонницей международного сотрудничества. Дав обзор развития партии со времени об'единения рабочей партии с соц.-дем. партией в 1927 г., доклад продолжает:

«Нынешняя ситуация в международном рабочем движении в корне отличается от той, которая была налицо два года тому назад. Вместо острой взаимной борьбы, мы видим контакт, а в ряде стран и сотрудничество (между коммунистами и социалистами. — **Ред. «С. В.»**). Вследствие этого исчезает одно из важнейших препятствий к тому, чтобы чувство активной солидарности с рабочими других стран, которое живет в норвежской рабочей партии, получило и организационное выражение.

На почве профессионального движения это уже является фактом. Красный Профинтерн находится в состоянии распада, и русские профсоюзы ведут переговоры с МФПС о вступлении в нее. Норвежский Совет Профессиональных Союзов сделал вывод из создавшегося положения в области профсоюзного движения и подавляющим большинством постановил вступить, начиная с 1-го января 1935 г., в МФПС, оставляя в стороне идейные разногласия. Исходя из убеждения, что и в политической области положение достаточно выяснено, Союз норвежской рабочей молодежи единогласно постановил на своей конференции прошлой весной вступить в Социалистический Интернационал Молодежи. В результате этого создалось противоречивое положение: многие члены партии через Профессиональные Союзы и через юношескую организацию входят в Рабочие Интернациональные центры, между тем как сама партия, как таковая, в них не входит. В своем качестве членов Профсоюза и юношеской организации члены партии участвуют в различных решениях, как, например, в тех, которые принимаются на совместных заседаниях Профессионального и Социалистического Интернационала, в то время как сама партия не имеет возможности влиять на эти решения, ибо не входит в упомянутые Интернационалы. Такого рода положение не может долго продолжаться, если принять во вниманіе тесную связь, которая существует в нашей стране и в международном масштабе между профессиональным движением и политическими организациями.

Помимо того, от невхождения норвежской партии в Интернационал страдает и то сотрудничество северных стран, которое в теперешнем положении имеет такое большое значение. На это обстоятельство много раз уже настойчиво указывали наши датские и шведские товарищи.

Принимая во внимание создавшуюся в настоящий момент в Европе ситуацию, приходится признать, что международное сотрудничество и солидарность сейчас важнее, чем когда бы то ни было. Для защиты мира и борьбы против фашизма необходимо, чтобы рабочие разных стран действовали совместно. Полное организационное присоединение норвежской рабочей партии к РСИ, представляюещму собою огромное большинство рабочих Западной Европы, будет содействовать усилению этой рабочей солидарности. Мы не питаем преувеличенных иллюзий относительно боеспособности этого Интернационала, но каждый из нас должен признать, что он является сейчас единственным об'единением западно-европейского пролетариата и его единственным интернациональным органом. Решение вступить в РСИ не изменит политики партии внутри страны, ибо Интернационал неоднократно констатировал, что он в полной мере признает политическую автономию отдельных секций. Совместная работа в Интернационале охватывает лишь международные проблемы.

Когда партия вступит в Интернационал, она естественно будет продолжать свою работу за интернациональное единство и за тесное сотрудничество между рабочими Советского Союза и рабочими западно-европейских стран. Норвежское рабочее движение уже предприняло известные шаги в этом направлении в области профессиональной. Норвежское рабочее движение всегда относилось положительно к делу социалистического строительства в Сов. Союзе, хотя оно было и остается противником методов и тактики Коммунистического Интернационала.

Но для норвежского рабочего класса важнее всего установить удовлетворительное и основанное на взаимном доверии сотрудничество с политическим и профессиональным движением Дании, Финляндии, Исландии и Швеции. И это является одной из важнейших причин, заставляющих норвежскую рабочую партию совершить свое вступление в РСИ».

Постановление Центрального Совета содержит, далее, также специальное указание на подготовительную резолюцию по этому вопросу, принятую партийным с'ездом в мае 1936 года.

На своем заседании от 9-го января Центральный Совет Норвежской Рабочей Партии, кроме того, единогласно одобрил предложение ЦК, означающее практически ликвидацию тех переговоров об об'единении, которые велись с Коммунистической партией Норвегии.

Эдуард АНСЕЕЛЕ

В ночь с 18-го на 19-ое февраля, на 82-ом году жизни сошел в могилу Эдуард Ансееле, один из пионеров бельгийского рабочего движения. Рассказать биографию Ансееле значило бы рассказать историю этого движения за последние 60-65 лет, особенно-же историю той грандиозной, неразрывно связанной с Бельгийской Рабочей Партией, производственной кооперации, творцом, вдохновителем и руководителем которой был покойный социалист.

Ансееле был типичным сыном того фламандского пролетариата, из которого он вышел и в среде которого жил до последнего дня жизнин. Проницательный ум, глубокое классовое чувство, революционная страсть к делу социалистического освобождения рабочего класса сочетались в нем с упорством, методичностью, настойчивостью в поисках практических путей борьбы за социалистический идеал. Кооперация, начавшаяся с знаменитой хлебопекарни «Фооройт», основанной в 1880 году в Генте, городе, в котором он родился и умер, и разросшаяся в колоссальное предприятие с огромными текстильными и другими фабриками, своим рыболовным флотом и даже своим банком, была для него не средством улучшить положение пролетариата в капиталистическом обществе, а средством взорвать это общество и построить на его развалинах социализм: «кооперативными хлебами мы будем бомбардировать капитализм» — эти знаменитые слова, сказанные на Амстердамском Международном Социалистическом Конгрессе, лучше всего характеризуют воззрения Ансееле. Случившееся несколько лет тому назад и бывшее последствием общего кризиса капитализма банкротство Банка Труда было тяжелым ударом для Ансееле. Но и после этого он ни на минуту, до самой смерти своей не покидал дорогого ему дела.

***

ЗД РСДРП послала бельгийским товарищам телеграмму с выражением своего глубокого соболезнования.

ИЗ ПАРТИИ

60-ЛЕТИЕ ТОВ. Б. А. МЕРА.

По случайным причинам мы лишь с большим запозданием отмечаем 60-летие тов. Бориса Абрамовича Мера, отпразднованное шведскою социалдемократией 22 ноября 1937 г.

Тов. Мер еще 30 лет тому назад, после ареста и многомесячного тюремного заключения, покинул Россию и поселился в Стокгольге. Здесь он очень скоро втянулся в работу шведской социалдемократии, стал ее видным членом и сотрудником ее центрального органа ,а затем принял и шведское гражданство. Но за все эти годы тов. Мер никогда не порывал самой тесной и интимной связи и с нашей партией, которой он оказывал и продолжает оказывать бесчисленные услуги. Его стокгольмская квартира была и остается центром притяжения для всех русских и прибалтийских социалдемократов, временно приезжающих в Стокгольм или закинутых в Швецию волнами эмиграции. Он является в то же время руководителем еврейских рабочих в Стокгольме.

В день 60-летия тов. Мера приветствовали многочисленные делегации шведских партийных и общественных организаций, а также отдельные друзья и товарищи. Загр. Делегация нашей партии послала тов. Меру телеграмму с выражением своего привета и своей благодарности.

ПО РОССИИ

КОМПАРТИЯ ПОД ПРЕССОМ «БДИТЕЛЬНОСТИ».

Кампания по борьбе с «коммунистами карьеристами» и «перестраховщиками», начатая известным постановлением январьского пленума ЦК ВКП «об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии и т. д.» («Правда» от 19-го января), никак не может по настоящему развернуться. Картина царящих внутри ВКП нравов, нарисованная в постановлении ЦК, действительно ужасна, но руководство компартии трусливо прячет голову в песок, не решается даже и коснуться подлинных причин небывалого расцвета в партии карьеризма, доносительства и молчалинства, конечно, не допускает и мысли, что за моральное гниение партии как-то отвечает ее замечательное «руководство», и пуще огня боится свободной критики и действительной активности партийных масс. Поэтому и борьба за оздоровление партии носит крайне поверхностный характер и не выходит из рамок убогой мудрости об «индивидуальном подходе» к каждому отдельному случаю и о недопустимости «огульных обвинений».

Но как ни «беззуба» оффициальная критика сложившегося под «гениальным» руководством «величайшего вождя» внутрипартийного режима, картина внутрипартийных нравов, вырисовывающаяся из постановления ЦК и откликов на него советской печати, заслуживает серьезного внимания.

Засилье коммунистов карьеристов изображается в постановлении ЦК очень яркими красками. Коммунист карьерист «старается отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, на репрессиях против членов партии, старается застраховать себя от возможных обвинений в недостатке бдительности путем применения огульных репрессий против членов партии». И старания этих достойных сталинских птенцов не пропадают даром: «Партийные организации нередко идут на поводу у таких крикунов - карьеристов... сами нередко **создают им ореол бдительных борцов за чистоту рядов партии».**

«Такой коммунист карьерист, **желая выслужиться,** без всякого разбора **разводит панику насчет врагов народа».** Попробуй-ка такого тронуть, попробуй ему что-либо возразить, когда в партии создалась «обстановка», «при которой каждого члена партии, выступившего в защиту другого коммуниста, оклеветанного кем-либо, немедленно **обвиняют** в отсутствии бдительности и **в связях с врагами народа».**

Вот сценка с натуры, записанная корреспондентом «Индустрии» (от 11-го февраля). Герой ее, автор 68 (!) «заявлений» о вредителях, врагах и т. д. Он где-то служит, но о своих служебных обязанностях ему некогда думать. Ему не до того:

> «Он бегает, как ищейка, по знакомым учреждениям и вопрошает:
>
> Что нового? Кого разоблачили? Кто с ними якшался?
>
> Услышав что-либо порочащее, он воспламеняется от удовольствия и требует:
>
> Давайте напишем!
>
> — Да я только слышал, проверить еще надо, уклоняется человек, давший информацию.
>
> — **Ах, так, замазывать собираетесь, сигнализировать не хотите».**

И источник «информации» сникает, готов все подписать и сам уже дрожит, как бы его собеседник не подал «заявления» и о нем и о его «нежелании сигнализировать» и намерении «замазывать» грехи какого-то «врага народа».

В этой обстановке в некоторых организациях создалась подлинная **мания доносительства.** Секретарь Киевского горкома **Кудрявцев,** всего лишь несколько месяцев назад сменивший «врага народа» **Хатаевича,** а сейчас и сам об'явленный «врагом народа», возвел доносительство в систему. На партийных собраниях при малейшей попытке критики он прерывал оратора вопросом: **«А вы написали хоть на кого-нибудь заявление?»** Результаты этой «политики» превзошли все ожидания: в Киеве, городе со многими тысячами коммунистов, **«политически компрометирующие заявления были поданы почти на половину членов городской парторганизации».**

В Эривани еще более красочная картина. Здесь инструктор горкома **Аракелян** создал целую сложную организацию по собиранию «информации» для «заявлений»: он «организовал вокруг себя **тайную агентуру из уголовных преступников,** отбывших наказание в тюрьме; им он поручал вести слежку за честными коммунистами **и провоцировать их с целью компрометации».** Успех этой «работы» был громадный. Но, может быть, эта «деятельность» Аракеляна оставалась тайной для парткома? Отнюдь нет. **«Об этом все знали. Все возмущались. Но,** как ни странно (!), **ЦК компартии Армении выдвинул Аракеляна на пост члена партколлегии»** («Правда» от 2-го февраля).

В Ярославле другой вариант все той же печальной эпопеи. Здесь секретарь обкома **Зимин,** даже не дожидаясь подачи кем-либо «заявления», походя шельмует почему-либо не понравившихся ему членов партии: **«А не вредитель ли ты?», «А не провокатор ли ты?»** («Правда» от 5-го февраля). Таков был «обычный стиль» этого бдительного коммуниста, сумевшего сделать блестящую карьеру вплоть до избрания его в Совет Союза. Впрочем, сейчас, с отстранением Зимина от должности («Правда» от 6-го февраля), вероятно, и мандат его станет «бывшим».

В течение добрых полутора года вся политическая жизнь компартии проходила под знаком борьбы с «врагами», **про-**

ПОМНИТЕ О СТРАШНОЙ НУЖДЕ ССЫЛЬНЫХ И ЗАКЛЮЧЕННЫХ

никшими всюду. Не было такого Наркомата, такого предприятия, такой академии или научно-исследовательского института, такой партийной, комсомольской, профсоюзной организации, в которой не были бы обнаружены «враги» и «фашистские агенты». Когда весною прошлого года на конференции Комсомола Московской области секретарь одного из райкомов Комсомола заявил, что в его районе в Комсомоле нет «врагов», он тут же был обвинен в отсутствии бдительности и попустительстве со всеми полагающимися в этом случае «оргвыводами». Никто другой, как **Сталин с Молотовым** на пленуме ЦК КП в феврале-марте прошлого года дали этой «установке» «теоретическое обоснование». А сейчас оказывается, что это «враги» создали обстановку «огульного взаимного недоверия» («Правда» от 26-го января), что «под маской сверх-бдительности враги народа **стремятся создать представление, что врагов повсюду много»** («Правда» от 19-го января, передовая).

Сейчас об «эксцесах» «сверх-бдительности» заговорили, наконец, открыто. И чего только мы при этом не узнаем. В 1936 г. в Свердловске состоялось в одном из Институтов небольшая вечеринка, на которой было 15 коммунистов. Через год один из них был разоблачен, как «враг народа». Тут вспомнили прошлогоднюю вечеринку и всех участников ее исключили из партии («Правда» от 25-го января). Об исключении из партии после того, как кто-либо из родных коммуниста оказался «врагом народа», сообщений в печати появилось множество. Сплошь и рядом репрессия применялась на основании собственного сообщения в парторганизацию того или иного члена партии, что его брат, или дядя, или муж сестры и т. п. разоблачен, как «враг». «Врагов» оказывается такое множество, что во многих местах с разоблачением их дезорганизуется местная работа. Особенно болезненно эта эпидемия сказалась в ведомствах народного образования и Наркомзема, уже давно привлекающих к себе усиленное внимание коммунистических ябедников. В цитированном выше постановлении ЦК отмечается, что «в Змиевском районе в октябре и ноябре 1937 г. беспричинно сняты с работы 36 учителей и намечено к увольнению еще 42». Результат: во многих школах пришлось прекратить преподавание ряда предметов. Куйбышевский областной отдел народного образования снял в течение одного лишь ноября прошлого года с работы 93 учителей и 24 директоров школ, частью, как «не могущих обеспечить коммунистическое воспитание детей», частью как «не внушающих политического доверия» («Правда» от 15-го февраля). В Башкирии «за последние три месяца отстранены от должности 37 заведующих земельными отделами и 46 директоров МТС... Уже после постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП о подготовке к севу (опубликовано 3-го января. — **С. Ш.**) районные организации без ведома Наркомзема сняли с работы около 20 директоров МТС и их заместителей, десятки механиков, агрономов, заведующих земельными отделами. За 20 дней января снято с работы 10 районных ветеринарных врачей». Основной мотив этого тамерлановского разгрома заморганов все тот же: «не внушают политического доверия» («Правда» от 24-го января).

Но цифры эти, как они ни ужасны, еще не дают полного представления о той атмосфере всеобщего заушения, которая создалась в стране. Гораздо убедительнее в своей унизительной оголенности отдельные, конкретные факты. Вот, например, печальная история старого сельского учителя (45 лет педагогического труда!) **Смородина** в Свердловской области. На предвыборном собрании он произнес речь в пользу официального кандидата, которую закончил возгласом: **«Да здравствует счастливый русский народ!».** Этого для местной парторганизации оказалось достаточно, чтобы обвинить Смородина в «голом, необузданном шовинизме», в «совершении классово враждебной вылазки», исключить Смородина из числа сочувствующих ВКП и поставить вопрос о снятии его с работы. Спешно созывается собрание учителей школы, в которой преподает Смородин. Окончательно замордованные учителя постановляют просить облоно об исключении Смородина из областной книги почета и исключении его из рядов учительства. Райком союза работников начальной школы поддерживает это ходатайство. Президиум райисполкома подливает и от себя масла в огонь. Все колеса партийной, профсоюзной и советской машины приводятся в движение против злополучного и теперь, увы, уже униженно кающегося престарелого энтузиаста («Правда» от 19-го января).

Как правило, исключение из партии сопровождается исключением из союза и снятием с работы. Но бывают случаи, когда местная профсоюзная организация заступается за своего преследуемого и оклеветанного члена. Это заступничество дорого обходится профсоюзникам. Об одном таком случае только что рассказано в «Правде»:

Заведующий Леденгским районным отделом народного образования в Вологодской области об'явил выговор двум учительницам (Мараковой и Шарабановой) по пустяковому и, как вскоре выяснилось, несуществующему поводу. Учительницы обратились в профсоюз за защитой и союз стал на их сторону. Заврайоно возмутился и в приказе по району предложил «проработать» этот позорный случай на педагогических совещаниях. Отметив, что «союзная организация под руководством Молоковского и при поддержке Рождественского взяла Маракову и Шарабанову под защиту», ретивый заврайоно приказывает:

> «... Маракову и Шарабанову с работы в школе снять, как врагов народа... Молоковского, как взявшего руководство защиты врагов народа в школе, проявившего полную политическую близорукость и ротозейство, скрывшего все подлые дела Мараковой и Шарабановой с работы в школе снять... Рождественского от работы в школе освободить» («Правда» от 15-го февраля).

За немногих праведников, находящих в себе мужество для отпора распоясавшимся держимордам, многое можно было бы простить терроризированным профсоюзам. К сожалению, эти «праведники» пока еще очень редки, а повседневная практика профсоюзов меньше всего говорит о мужестве. Иногда профсоюзные органы даже явно забегают вперед и проявляют подлинно «головотяпскую» инициативу. Об одном таком случае недавно сообщалось в «Труде»:

> «Президиум ЦК союза хлопчатобумажников Ивановской области снял с работы «за притупление политической бдительности» председателя фабкома Меланжевого комбината Носова. За что? За то, оказывается, что даже не Носов, а его заместитель подписал список на выдачу путевок в дом отдыха школьникам, при чем **одна путевка была выдана ученице, отец которой оказался врагом народа»** («Труд» от 29-го января).

Это повседневная практика, за которую и свою долю ответственности несет высшее профсоюзное руководство. От этой ответственности не отвертишься.

Особенно наглядно эа жалкая роль профсоюзов сказалась в деятельности профсоюзных представителей в расценочно-конфликтных комиссиях. Оклеветанные обращаются нередко в РКК и просят об отмене необоснованных распоряжений об их увольнении. Но РКК, в целях «перестраховки», спешат **«слепо, без всякой проверки подтвердить незаконные увольнения»** («Труд» от 10-го февраля).

Об'явление врагом народа в современной советской обстановке означает не только снятие с работы, но гораздо больше: «враг народа», если он не арестован, становится точно зачумленным. Все его пугливо сторонятся. Кого не испугает перспектива обвинения в «сношениях с врагом народа»? Это какой-то своеобразный современный остракизм. Неудивительно, что во многих местах, как это отмечается в постановлении ЦК, «враги народа», находящиеся на свободе,

сами являются в подлежащие органы и просят, либо снять с них «позорное клеймо», либо арестовать их.

Сейчас, после опубликования постановления ЦК, положение исключенных из партии (если они не об'явлены врагами народа, а с этим обвинением приказано быть осторожнее) по крайней мере в отношении предоставления работы как будто должно измениться к лучшему. Но на долго ли? «Сверх-бдительность» осуждена, но только если это «фальшивая бдительность». Больше того: «Пленум ЦК ВКП требует от всех партийных организаций и их руководителей **всемерного повышения большевистской бдительности партийных масс, разоблачения и выкорчевывания до конца всех вольных и невольных врагов партии»**. А передовик «Правды» призывает «удесятерить силы большевиков, их напористость в разоблачении действительных врагов партии, народа, как бы тонко они ни вели свою подрывную работу» («Правда» от 22-го января). Сейчас все чаще в прессе повторяется злополучная фраза **Ленина: «Хороший коммунист в то же время и хороший чекист»**. И центральный орган компартии углубляет эту мысль: задача руководителя каждой партийной организации «знать работу человека, знать его окружение, **знать, чем он живет и дышет»** («Правда» от 25-го января, передовая). Гони «сверх-бдительность» в дверь, она влетит в окно.

Такова «природа» сталинизованной компартии, все теснее «сращивающейся» с аппаратом политической полиции, все откровеннее ставящей главную ставку на «наших доблестных наркомвнудельцев». Для такой партии борьба с «вредительством» «на партийном фронте», борьба, приводящая к подлинному вредительству во всех областях общественной и государственной жизни, становится законом существования. Найдутся ли еще в компартии силы для преодоления этого мертвящего режима сталинско-ежовской диктатуры? Нам извне ответить на этот вопрос трудно, но это вопрос жизни и смерти для компартии. И, может быть, больше: это вопрос, который в значительной мере предопределит характер завершения величайшей в истории человечества революции.

С. Ш.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Новая Россия, № 41.
La Révolution Prolétarienne, № 264.
Nouveaux Cahiers, № 19.
Independent News, № 24, 25.

Le Gérant : **Paul Colliette**

Imp. Union, 13, rue Méchain, Paris.